

Чичерин Борис Николаевич

Наука и религия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Б82

Б82 **Борис Николаевич Ч.**
Наука и религия / Чичерин Борис Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 467 с.

ISBN 978-5-521-30407-3

ISBN 978-5-521-30407-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое наука? Что такое религія? Каково ихъ взаимное отношеніе? Таковъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые могутъ занимать человѣческій умъ. Точно ли религія принадлежитъ прошедшему, временамъ младенчества человѣческаго рода, а наука будущему, эпохѣ зрѣлости, и первая должна постепенно замѣняться послѣднею, какъ увѣряютъ нѣкоторые? Или же наоборотъ, религія составляетъ краеугольный камень всякой истины для человѣка, и наука только въ ней можетъ найти разрѣшеніе всѣхъ своихъ противорѣчій, какъ утверждаютъ другіе? Наконецъ, существуетъ и третье, среднее мнѣніе, которое, признавая самостоятельность обоихъ началъ, ищетъ ихъ соглашенія. Но какъ достигнуть этого соглашенія? Гдѣ для него данныя? Въ настоящее время, повидимому, эти двѣ области разошлись далѣе, нежели когда-либо, и борьба кипитъ, можетъ быть, съ еще большимъ ожесточеніемъ, нежели прежде.

Нѣтъ сомнѣнія, что многимъ самое поставленіе этихъ вопросовъ покажется признакомъ устарѣлыхъ убѣжденій. Чѣмъ скуднѣе у насъ образованіе, чѣмъ болѣе перепутываются понятія въ умахъ, тѣмъ болѣе всѣ вопросы считаются порѣшенными. Всякій, кто хочетъ прослыть передовымъ человѣкомъ, считаетъ себя обязаннымъ враждебно или даже презрительно относиться къ религіи. Въ ней, равно какъ и въ философіи, видятъ явленіе, отжившее свой вѣкъ, остатокъ младенческихъ предразсудковъ. Но если что можетъ служить признакомъ устарѣлыхъ понятій, такъ это—чисто отрицательное отношеніе къ религіи. Подобными воззрѣніями можно было довольствоваться въ XVIII-мъ столѣтіи. Въ наше время требуется иное: XIX-й вѣкъ понималъ религію, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ человѣческаго духа. Это признаютъ всѣ мыслители съ сколько-нибудь широкимъ взглядомъ. Тѣ же, которые не хотятъ знать ничего, кромѣ поло-

жительной науки, въ ней самой могутъ найти подтвержденіе нашей мысли. Положительная наука отпращивается отъ явленій, а къ числу важнѣйшихъ явленій человѣческой жизни несомнѣнно принадлежитъ религія. Съ первыхъ временъ человѣчества и до нашихъ дней, она составляла духовную пищу миллионѣвъ и миллионѣвъ людей. Она искони отвѣчала самымъ глубокимъ потребностямъ человѣческой души. Безъ нея никогда не обходилось ни одно общество. Наконецъ, въ исторіи она играла такую руководящую роль, съ которою можетъ сравниться развѣ только философія. Очевидно, мы имѣемъ тутъ явленіе, которое нельзя легкомысленно отвергать: его надобно изучить и понять. Въ наше время невозможно уже пробавляться ссылкой на заблужденіе, на обманъ, на невѣжество: эти общія фразы, которыми нѣкогда можно было дѣйствовать на неопытные умы, утратили свою обаятельную силу. Наука XIX-го вѣка видитъ въ исторіи развитіе духа по внутреннимъ его законамъ. Чтобы раскрыть эти законы, необходимо опредѣлить положительное значеніе каждаго изъ элементовъ духовной природы человѣка, а тутъ, на первомъ планѣ, намъ представляется религія. Не понявши ея, мы не поймемъ и исторіи, слѣдовательно, не поймемъ и явленій, вытекающихъ изъ историческаго развитія народовъ.

Но не только въ прошедшемъ, а равно и въ настоящемъ и въ будущемъ, религія должна сохранить свое высокое мѣсто въ жизни людей. Одно положительное знаніе не въ состояніи удовлетворить человѣка. Оно идетъ не далѣе извѣстной, ограниченной области явленій. За этими предѣлами открывается безконечный міръ мыслей, стремленій и чувствъ, которыя остаются неудовлетворенными. Сколько ни отворачивайся отъ извѣстныхъ вопросовъ, они черезъ это не исчезаютъ, а тѣмъ настойчивѣе напрашиваются на умъ, чѣмъ выше ихъ значеніе для человѣка, ибо они касаются собственной его судьбы, его отношенія къ источнику всякой жизни, наконецъ, тѣхъ правилъ, которымъ онъ обязанъ слѣдовать въ своей дѣятельности. Подрывая довѣріе въ философіи, положительная наука тѣмъ самымъ заставляеть людей съ еще большими ожиданіями обращаться къ религіи, ибо отказаться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ мы не можемъ иначе, какъ отказавшись отъ всей высшей стороны своей природы, отъ самыхъ глубокихъ своихъ стремленій, отъ неискоренимыхъ потребностей мысли, отъ благороднѣйшихъ порывовъ своего сердца. Человѣкъ, который хочетъ ограничиться познаніемъ того, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, долженъ заглушить въ себѣ голосъ разума и совѣсти; онъ долженъ обрече

себя на неутомимую работу, не имѣя даже надежды, что она когда-либо приведетъ его къ желанной цѣли, такъ какъ онъ заранѣе знаетъ, что вся высшая область идей, которая одна говоритъ его уму и сердцу, для него навѣки закрыта. Есть ли возможность заманить мыслящее существо такого рода перспективою? И какъ можетъ подобная наука надѣяться побѣдить религію, которая обращается именно къ высшимъ и лучшимъ сторонамъ человѣческаго естества?

Эти соображенія получаютъ еще болѣе вѣса, если мы взглянемъ на современное состояніе такъ называемаго положительнаго знанія. Въ области естествовѣдѣнія, все ограничивается объясненіемъ чисто механическихъ отношеній. Какъ скоро явленіе выходитъ изъ этихъ предѣловъ, естествоиспытатели говорятъ: „этого мы объяснить не можемъ; мы не знаемъ, а чего мы не знаемъ, того мы не объясняемъ“. Относительно же познанія человѣка, можно сказать, что не сдѣлано еще ровно ничего. Положительная наука стоитъ пока на порогѣ, пытается отворить замкнутую для нея дверь. Объясненіе, по теоріи, должно идти съ низу, начиная съ физическихъ явленій; но изслѣдованіе этой стороны человѣческой души едва начинается. Нѣтъ ни одного твердаго положенія, ни одного безспорнаго вывода. Изслѣдователи не согласились даже относительно способа изученія душевныхъ явленій, колеблясь между внѣшнимъ опытомъ и внутреннимъ, и не зная, гдѣ найти точку опоры. По выраженію одного изъ значительнѣйшихъ писателей этого направленія, оно представляетъ настоящее вавилонское столпотвореніе. Когда же, не отомкнувши двери, приверженцы чистаго реализма начинаютъ говорить о томъ, что происходитъ въ домѣ, мы, къ удивленію, встрѣчаемъ только жалкіе обрывки давно извѣстныхъ и давно опровергнутыхъ философскихъ теорій, или же воздвигаются такіа фантастическія зданія, которыя никакъ уже не могутъ имѣть притязанія на имя точной науки. Чѣмъ же можетъ замѣнить реализмъ отвергаемый имъ религію и философію? Ничѣмъ. Онъ вызываетъ только къ человѣку: откажись отъ того, что тебѣ всего дороже, отъ самыхъ заветныхъ своихъ убѣжденій, и вѣрь положительной наукѣ, которая оставляетъ тебя въ полномъ невѣдѣніи относительно именно того, что тебѣ всего болѣе желательно знать. Какое понятіе о человѣкѣ должны имѣть тѣ, которые проповѣдуютъ подобное ученіе, и каковы должны быть тѣ, которые имъ довольствуются?

Эта самоувѣренность ограниченной точки зрѣнія, это отрицаніе высшихъ явленій духа во имя теорій, имѣющей претензію

опираться на явленія, доказываютъ, что современная наука не успѣла еще утвердиться на прочныхъ основаніяхъ. Разочаровавшіеся въ философскихъ системахъ, которыя смѣлымъ полетомъ мысли хотѣли обнять всю вселенную, человѣческій умъ кинулся въ противоположную крайность. Онъ въ опытѣ сталъ искать для себя твердой точки опоры. Но здѣсь его должно постигнуть еще большее разочарованіе. Тамъ, гдѣ онъ думалъ найти свѣтъ, онъ обрѣтаетъ только мракъ. Опытъ настолько способенъ дать намъ познаніе вещей, насколько онъ озаряется направляющимъ его разумомъ; слѣдовательно, чѣмъ менѣе разумъ довѣряетъ самому себѣ, тѣмъ меньшіе плоды онъ въ состояніи извлечь изъ опыта. Послѣдній дастъ намъ только разнообразныя явленія и чисто внѣшній ихъ порядокъ въ пространствѣ и времени. Ни смысла, ни связи явленій опытъ намъ не раскрываетъ: связующее начало, не подлежащее внѣшнимъ чувствамъ, постигается только разумомъ. Поэтому, какъ скоро мы отвергаемъ разумъ, какъ самостоятельный источникъ познанія, такъ остается одно лишь совершенно непонятное для насъ внѣшнее сопоставленіе явленій, или же, если мы хотимъ что-либо объяснить, мы принуждены внутреннюю связь сводить на внѣшнюю, то-есть, вездѣ видѣть одинъ механизмъ, который, однако, въ свою очередь, остается для насъ необъяснимымъ. Это и дѣлаютъ реалисты. Но механическое воззрѣніе, приложимое къ извѣстной области явленій, оказывается совершенно недостаточнымъ тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло не съ внѣшнею, а съ внутреннею связью вещей. Стараніе все сводить къ механическимъ отношеніямъ ведетъ не только къ непониманію, но и къ искаженію всѣхъ высшихъ явленій природы и духа, которыя насильственно подводятся подъ неприменимые къ нимъ законы и въ которыхъ намѣренно отрицаются самыя существенныя ихъ черты. Всего болѣе это обнаруживается въ той области, гдѣ разумъ самъ является дѣятелемъ. Отрицая значеніе его, какъ самобытной силы, составляющей источникъ самостоятельныхъ опредѣленій, мы очевидно ничего не поймемъ въ явленіяхъ человѣческой жизни. Мы будемъ стараться объяснить частными и внѣшними отношеніями то, что составляетъ явленіе высшаго, идеальнаго начала. Отсюда та масса уродливыхъ произведеній, которыми, подъ именемъ положительной науки, наводняются всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣка, начиная отъ психологіи и кончая соціологіею и исторіею. Такое направленіе прямо ведетъ къ отрицанію всей высшей стороны человѣческой природы, того, что связываетъ насъ съ безконечнымъ. Человѣкъ приравнивается къ животнымъ, низводится на степень простаго физическаго су-

ществѣ, котораго жизнь и дѣятельность опредѣляются механическими отношеніями соединяющихся въ немъ матеріальныхъ элементовъ и окружающихъ его естественныхъ силъ.

Понятно, какіе печальные жизненные плоды должно было принести такое настроеніе умовъ. Душа человѣка возвышается, когда онъ устремляетъ свои взоры на общее, всеобъемлющее, вѣчное; напротивъ, кругозоръ его суживается и душевныя силы слабѣютъ, когда онъ вращается исключительно въ области частныхъ. Низводя его съ неба на землю, реализмъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ пониженію умственного и нравственного уровня человѣческихъ обществъ. Это мы и видимъ въ настоящее время. Результатомъ положительнаго знанія, дающаго лишь частныя рѣшенія по частнымъ вопросамъ, является отсутствіе всякихъ общихъ идей, а вслѣдствіе того, хаотическое состояніе умовъ. Современный образованный человѣкъ потерялъ свое равновѣсіе; нигдѣ онъ не находитъ твердой точки опоры. Среди безконечнаго множества частныхъ, у него исчезъ всякій общій взглядъ. Никогда еще не было такого всеобщаго шатанія, такого умственного мрака, какъ именно теперь. Сильная мысль, крѣпкія убѣжденія, высокіе характеры становятся рѣдкостью. Практическіе вопросы еще способны приковывать къ себѣ людей; теоретическіе интересы отошли на задній планъ и возбуждаютъ умы лишь настолько, насколько въ нихъ выражается та или другая практическая тенденція. Явнымъ признакомъ этого низкаго умственного состоянія служить всеобщій упадокъ изящной литературы. Въ этомъ нельзя видѣть случайно только явленіе; положительное знаніе всего менѣе допускаетъ такого рода всеобщія случайности. Это—знакъ времени. Въ поэзіи выражаются идеальныя стремленія человѣчества. Тамъ, гдѣ изсякъ ея источникъ, можно навѣрное сказать, что оскудѣла идеальная жизнь общества. Человѣкъ, вслѣдствіе господства реализма, превращается въ исключительно внизъ смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновенію?

Въ Россіи это пониженіе общаго уровня должно было отразиться въ еще болѣе печальныхъ явленіяхъ, нежели гдѣ-либо. Современное русское общество превратилось въ умственную пустыню. Серьезное отношеніе къ мысли, искреннее уваженіе къ наукѣ почти исчезли; всякій живой источникъ вдохновенія изсякъ. Съ паденіемъ философіи, логика сдѣлалась излишнимъ бременемъ; умѣніе связывать свои понятія отошло къ области предразсудковъ. Никогда еще русская литература не стояла такъ низко; никогда легкомысліе и невѣжество такъ беззастѣливо не

выставлялись на показъ. Самые крайніе выводы самыхъ одностороннихъ западныхъ мыслителей, обыкновенно даже непонятые и не переваренные, смѣло выдаются за послѣднее слово европейскаго просвѣщенія. Либерализмъ и социализмъ, реализмъ и утопія, самыя противоположныя и исключаящія другъ друга направленія, сливаются въ невообразимый хаосъ, въ которомъ можно найти все, кромѣ знанія и мысли. Таково наше положеніе. Когда читаешь или вспоминаешь о прежнихъ людяхъ, съ ихъ широкимъ образованіемъ, съ ихъ возвышенными интересами, при гораздо меньшей возможности дѣйствовать, больно и обидно становится за настоящее. Западно-европейскія общества, погрузившись въ исключительное изученіе частныхъ, сохранили по крайней мѣрѣ одну облагораживающую черту: упадокъ мысли искупается до нѣкоторой степени значительностью умственнаго труда, обращеннаго на изслѣдованіе фактическаго матеріала. У насъ, къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Если западнаго Европейца можно сравнить съ рудокопомъ, который неутомимо работаетъ въ рудникахъ, приготовляя себѣ богатства для будущаго, то мы, при скудости нашего образованія, довольствуемся ожиданіемъ чужихъ благъ, а пока питаемся кое-гдѣ подобранными крохами, которыя доставляютъ посредники, слишкомъ часто расчитывающіе на неразборчивость публики. Отсюда внутренній разладъ и дикія фантазіи, рождающіяся во мракѣ. Сколько среди насъ людей, которые забыли даже, что существуетъ свѣтъ Божій и готовы закидать камнями того, кто дерзаетъ о немъ помянуть!

Выйти изъ этой удушливой атмосферы составляетъ насущную потребность всякаго, въ комъ живы еще интересы мысли, кто не довольствуется житейскою пошлостью или на вѣру принятымъ направленіемъ. А выйти изъ нея можно только однимъ способомъ: поднявши глаза къ верху, вмѣсто того, чтобы упорно держать ихъ прикованными къ низу. Поднять ихъ нужно не съ тѣмъ, чтобы отлетѣть отъ земли и унести въ невѣдомую область, а съ тѣмъ, чтобы, оставаясь на землѣ и пользуясь ея богатствами, окинуть взоромъ все необъятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ, небесное и земное. Возможно ли исполненіе подобной задачи? Думаю, что наука собрала для этого достаточно данныхъ, если только мы не ограничимся мимолетными произведеніями вчерашняго дня, а усвоимъ себѣ все то, что человѣчество выработало на своемъ многовѣковомъ и многотрудномъ пути. Во всякомъ случаѣ, кому удалось доработаться до самостоятельнаго взгляда на эти предметы и озарить свѣтомъ хотя малѣйшую частичку безконечнаго

міра мысли и чувства, тотъ обязанъ представить результаты своего труда на сужденіе современниковъ, ибо этимъ только подвигаются впередъ и наука и жизнь.

Приступая къ обсужденію поставленныхъ мною вопросовъ, я долженъ сказать, что я становлюсь чисто на точку зрѣнія науки. Богословскія изслѣдованія и размышленія могутъ удовлетворять убѣжденныхъ уже въ истинѣ извѣстной религіи, но не въ состояніи убѣдить тѣхъ, которые покинули религіозную почву. Какъ скоро возбужденъ испытующій разумъ, такъ ему одному принадлежитъ верховное рѣшеніе занимающихъ его задачъ. Если онъ подчиняется высшему авторитету, то онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ на основаніи собственного убѣжденія, точно провѣривъ всѣ свои пути. Вѣра для разума составляетъ не точку исхода, которая принимается слѣпо, а объективное начало, которое изслѣдуется въ своемъ существѣ и въ своихъ проявленіяхъ. Только этимъ путемъ можно сдѣлать научный выводъ. Но это изслѣдованіе должно быть ведено безъ всякаго пристрастія и предубѣжденія. Всего менѣе можетъ быть здѣсь допущено отрицательное отношеніе къ предмету, которое обыкновенно служитъ только признакомъ незнанія или непониманія предмета. Истинная наука во всякомъ общемъ явленіи видитъ положительное выраженіе законовъ природы и духа, и чѣмъ глубже она его изучаетъ, чѣмъ болѣе выясняется передъ нею его смыслъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ разстояніе между познающимъ и познаваемымъ. Разрывъ между наукою и религіею составляетъ принадлежность извѣстныхъ ступеней развитія; онъ происходитъ иногда отъ недостаточности науки, иногда отъ несовершенства религіи. Но окончательно цѣлью развитія представляется высшее объединеніе обѣихъ областей, конечный синтезъ всего духовнаго міра. Таково глубокое убѣжденіе, которое я вынесъ изъ своихъ научныхъ изысканій, и которое одно даетъ мнѣ смѣлость взяться за перо. Постараюсь передать его тѣмъ, кого искренно занимаютъ эти вопросы.

Прошу только благосклоннаго читателя не поспѣвать, если въ этомъ изслѣдованіи я долженъ буду на первыхъ порахъ вести его черезъ то, что можетъ показаться пустыми метафизическими тонкостями или сухою схоластикою. Кому извѣстна связь всѣхъ частей науки между собою, тотъ знаетъ, что эти метафизическія тонкости оказываются въ послѣдствіи исполненными жизненнаго значенія. Онѣ составляютъ необходимое условіе всякаго пониманія. Это—тотъ мерцающій свѣточъ, который непривычному глазу кажется неспособнымъ разсвѣять окружающій насъ мракъ, но

который въ дѣйствительности одинъ можетъ вывести челоѣка въ высшую область всеозаряющей истины. Горе служителю науки, который погасилъ въ себѣ этотъ свѣтильникъ! Онъ осужденъ вѣчно пресмыкаться въ низменностяхъ реализма, потерявши даже память о томъ, что онъ рожденъ для инаго знанія и для иной жизни.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло со времени перваго изданія этой книги. Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось заняться такими областями науки, которыя дотолѣ оставались мнѣ болѣе или менѣе чужды, а именно, высшею математикой и различными отраслями естествознанія. Но результаты этого изученія не только не поколебали моихъ взглядовъ, а напротивъ, дали имъ еще болѣе подтвержденіе. Великое значеніе опыта проявляется главнымъ образомъ въ естествознаніи, но именно здѣсь обнаруживаются и его границы. Пониманія вещей онъ не даетъ. „Ignoramus et semper ignorabimus“: таковъ девизъ естествоиспытателя.

Съ своей стороны, математика яснѣе дня доказываетъ всю силу умозрѣнія. Все, что есть рациональнаго въ естественныхъ наукахъ, происходитъ отсюда. Сочетаніе обоихъ путей, которое я считаю высшею задачею науки, находитъ здѣсь полное оправданіе. Въ этомъ отношеніи исправлять пришлось весьма немногое. Значительной переработкѣ подверглась лишь глава о развитіи языческихъ религій. Со времени перваго изданія этой книги вышло много новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, которые надобно было принять во вниманіе. Однако и тутъ измѣненія и дополненія коснулись только частныхъ. Основныя опредѣленія и весь ходъ мысли остались нетронутыми. И тутъ новѣйшія изысканія дали новое подтвержденіе моимъ выводамъ. Объ этомъ пусть судить безпристрастный читатель.
